

Пожаров Александр
Гаррис Деагор
"Эрмитаж?"

25.05.06

МИХАИЛ ЛЕВИТИН:

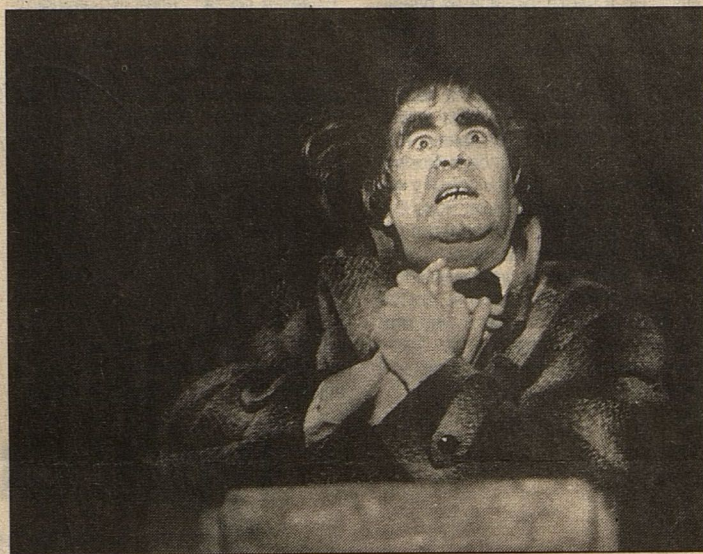
Мои необычные странные личности

В Театре "Эрмитаж" – двойная дата: 30 лет играют здесь артисты Юрий Амиго и Александр Пожаров. В середине 1970-х годов, когда режиссер Михаил ЛЕВИТИН начал ставить на этой сцене свои спектакли (тогда в здании нынешнего "Эрмитажа" располагался Московский театр миниатюр), оба актера стали его единомышленниками. Они сыграли много ролей – наверное, нигде больше им не удалось бы создать столько образов. Амиго и Пожаров – эксцентрики. В каком-нибудь другом театре тавный режиссер сказал бы, что такие актеры – его краски, не более того. Но М.Левитин доказал, что это прежде всего необычные, странные личности.

Я отвергаю актерское мастерство как универсальное. Раньше было очевидно: вот артисты МХАТа, вот – Мейерхольда, а вот вахтанговцы. Сейчас вы не всегда поймете, кто из какого театра. Я думаю, что артисты калечат себя или, наоборот, совершенствуют себя лишь в горниле того театра, которому служат. В "Эрмитаже" люди не перестают жить по законам сцены, уходя из театра, а продолжают воспринимать вещи так же – для нас это неотделимо. Амиго и Пожаров смотрят на мир как на воображаемую реальность, и поэтому я говорю – это мои актеры.

Когда Юрий Амиго играл в Театре миниатюр, его эксплуатировали в ролях героев-любовников – он был очень красив. Довольно быстро я его подхватил. С тех пор и до сегодняшнего дня он мне доверяет фактически не свою профессию, а свою жизнь. А для меня он – что-то очень интимное, "мое личное".

Амиго на сцене – это всегда аттракцион. Он ни на кого на свете не похож. Он сам по себе – такое происшествие в этом мире, нежность на двух ногах и в человеческом облике. Человек, привыкший к камерности существования, опекаемый домашними, он совершенно не знает мира. По улице ходит так, будто никого вокруг нет и он один на свете. Его оценки людей, если они вообще есть,

Ю.Амиго — Брокзовский в сцене из спектакля "Нищий, или Смерть Занда"

А.Пожаров — Иван Андреевич в сцене из спектакля "Под кроватью"

всегда сочинены им самим. Степень его бескорыстия как-то чрезмерна. Иногда мне кажется, что он очень много в жизни читал. Иногда мне ка-

жется, что он не читал абсолютно ничего. Он – блаженный человек. Но в моем понимании блаженный человек и есть самый настоящий.

Дед его в Швеции был очень известным дирижером. Когда дед умер, то вступило в силу завещание: скрипка Страдивари, наследство. Отцу Юрия нужно было выехать в Швецию, но он был уже стареньким, и везти его должен был Юра. Он полгода ходил ко мне и спрашивал, можно ли ему ехать. Я каждый день орал на него, что я немедленно настаиваю на его отъезде. Кончилось тем, что отец умер. Его жизнь состоит из таких вот попыток поступка, из такой вот колоссальной неуверенности в существовании.

Таких людей, как Юрий Амиго, почти не бывает. Они с охотой принимают различные облики, потому что им что-то снится или кажется, и они живут в своем воображении, в своих фантазиях, в своих обидах. И вот на сцене он воспроизводит это свое внутреннее содержание. Оно у него на редкость театральное.

Ему нужно только одно: репетировать. Все, что угодно. Тогда он живет и он счастлив. Он не будет навязывать свои желания – у него нет своих желаний, есть только мои. Он не претендует на творчество, он претендует только на исполнительство – на исполнительство отточенное и совершенное. Он не знает своей индивидуальности. Он дает мне право определять, что там с его индивидуальностью. Я работаю с ним осторожно, потому что любое мое задание он с неистовой силой воплощает. Любое мое замечание воспринимает стократ. Порой приходится останавливать его и клясться, что замечание было напрасным, случайным – только чтобы он не делал того, что собирается. Я даю ему площадку для игры – и он срывается с места и начинает играть, потому что он должен быть на сцене. У него чудесный голос, чудесная пластика, хорошее сердце, острое чувство юмора.

Он изумительно наивен, поэтому все, что он делает на сцене, носит оттенок надежды. Какую роль ни играл бы Юрий Амиго – даже спекулянта Филиппа в "Марии" Бабеля, о

котором в ремарке сказано: "кусоч кровавого мяса", – всегда остается театр. А театр – это и есть надежда: вот единственная причина, по которой сюда ходят люди. Он был занят в моих первых спектаклях, играет в "Ким-танго" Гамлета (странный это Гамлет!), в "Уроках русского", в "Азеве", в "Суер-Вьере"... Везде он очень разный. Единственное, чего он не может сыграть, – это чрезмерную грубость, хамство. Он не может сыграть преступного человека, потому что играет театральную фантазию.

На каком-то странном уровне Амиго утверждает систему нашего театра. Его могут не узнать: принять в "Смерти Занда" за Карцева. В "Зойкиной квартире" он, солидный человек, ползает все свои сцены по полу – не каждому дашь такое задание. Когда мы репетировали "Изверга", я говорил ему: "Вы играете чугунного императора. Надо говорить, как чугун". Это может понять и сделать только Амиго.

Я считаю, что театр существует для того, чтобы показать неизвестное, малоузнаваемое, нетипичное, из ряда вон выходящее. Вот Амиго – это и есть из ряда вон выходящее. Это самое чистое существо, которое я встречал в жизни. Фактически даже непонятно, кто с кем разделит эту жизнь – он со мной или я с ним.

Александр Пожаров пришел в Театр миниатюр из Щепкинского училища. Он был таким юным, мальчиком, типичком: маленького роста, с кудряшками – травести. Пластичный, subtilный. С очевидным с самого начала достоинством – сверхмузыкальностью. И вокальными данными. Когда-то в детстве он даже пел в хоре мальчиков Большого театра. Он мог бы сделать карьеру Козина. Сделал, правда, карьеру Шуры Каретного, но и она неслучайна.

Именно от Пожарова я однажды услышал: "Михаил Захарович, пожалуйста говорите с нами перед спектаклями, и не обязательно о самих спектаклях. Нам не хватает бесед с вами. Это единственный час, когда

мы начинаем понимать, что делаем". Он пытается заглянуть серьезно и существенно в то, чем мы занимаемся. Из-за этого я давал ему роли интеллектуалов. В частности, хорошо помню его работу в "Хронике широко объявленной смерти", где он играл следователя. Или Крошку Ньюта в "Колыбельной для кошки" Воннегута.

Поначалу его внешность меня не привлекала. Она была какая-то никакая. Мне даже иногда кажется, что свою нынешнюю бороду и усы он нашел не столько в угоду дамам, сколько в угоду мне. При этом я его смело впрягал во все роли первого нашего репертуара. И в "Чехонте в "Эрмитаже", и в "Хармс! Чармс! Шардам!" или "Школе клоунов" он играл вровень с такими блестящими актерами, как Карцев или Полищук. Он пользовался репутацией человека, который никогда не ошибется в рисунке, в ритме, в партнерстве. Он тащил целое.

Однажды он пришел ко мне и предложил поставить "Большую кошачью сказку" Чапека. Я увлекся. Но сразу же подумал, что он, предположивший, не будет играть главную роль. И тем не менее вернулся к нему – и он играл это блестяще.

Я долго не знал, насколько он способен на непосредственное, лирическое изъяснение чувств. Ему стыдно играть на сцене любовь. В "Суер-Вьере" очень трудно пробивалась любовная линия его Пахомыча, но выясняется, что это играть он может, как мало кто в театре.

Пожаров сознательно, после долгих раздумий, вверил себя этому театру. Может быть, его вела музыкальная стихия. И он полностью доверяет нашему театру, потому что не может существовать в фальшивом звуковом поле.

Важно, что Пожаров – сознательно мой артист. Я его видел в некоторых попытках играть у других. Ему было неудобно. Он был уловат. Так же музыкален, но несвободен! Ясно, что и театр, и меня он воспринимает скорее через звук, через предложе-

ние ритмического порядка, чем через разум. Он овладевает ритмом – у него ритмическое мышление, овладевает формой, к которой относится чрезвычайно щепетильно.

Он привязывается к тому или иному литературному произведению. Его программой и его просьбой с самого начала было – никаких первых ролей! Вторые, третьи, эпизоды... И это до сегодняшнего дня так. О чем это свидетельствует? Об излишней скромности или о неуверенности в себе? Или о каких-то комплексах? Или об очень трезвом понимании, что в жизни не те главные, кто глав-

ные? Пожаров – достаточно закрытый и трудно раскрываемый человек, очень мобильный и светский. Вполне живущий в мире, живущий с людьми, любящий дам. Заботливый к семье, к маме. При этом у него есть своя глубокая тайна. При кажущейся светскости его нервы не в порядке. Он терпелив, выходит из себя крайне редко, но мощно и жутковато.

Образ Шуры Каретного, ставший достаточно популярным, его увлекает. Я хотел сделать спектакль по Шуру Каретному, чтобы Пожаров обнаружился для зала. Мы слушали каскасы – и я вдруг обратил внимание, как слушает запись "сам автор". Это был не Саша Пожаров. Это был Шура Каретный, и находиться с ним в комнате было страшно. Я просто ужаснулся близости персонажа и артиста! Я ему в театре не разрешал доводить себя до такого страшного, почти патологического состояния перевоплощения. Но он на него способен.

В чем-то он очень самостоятельный человек. Другое дело, что он понимает театр прежде всего как режиссуру и дает право режиссеру определить себе место. То, что он делает, он делает почти совершенно.

Михаил ЛЕВИТИН
Фото Владимира СКОКОВА